

Г. Минкин.

Огонь по проповедникам помещичье-буржуазных взглядов в исторической науке

Будучи профессором истории народов СССР при Саратовском госуниверситете. Любомиров открыто пропагандировал взгляды помещичье-буржуазных историков (Ключевский, Платонов), активно боролся против реорганизации высшей школы, культивировал старорежимные отношения между преподавателями и студентами и не только не давал марксистского освещения исторического процесса, но всячески старался дискредитировать перед студенчеством марксистское понимание истории.

«Слава» этого профессора уже успела выйти за пределы Саратова и достигнуть общесоюзной известности. Совсем недавно его имя появилось на страницах журнала «Историк-марксист», где тов. Пионтковский, давая обзор современной буржуазной историографии и идеологии реставраторства, к числу буржуазных историков-реставраторов причисляет и профессора Любомирова. Подвергая критике его книгу «Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв», тов. Пионтковский пишет: «Книга Любомирова выражает интересы тех групп, которые в годы НЭПа переживали процесс перехода от торгового капитала к зачаткам промышленно-деревенского кулака, городского торговца в промышленного предпринимателя. Она выражает стремление тех, кто видел свою цель в расширении НЭПа и понимал его, как реставрацию промышленно-капиталистических отношений». То, что деревенский кулак и городской непман в настоящее время являются единственной социальной базой, на которую опираются Любомировы и ему подобные, есть несомненная истина, но ограничить этим социальную характеристику научной деятельности Любомирова нельзя. Его классовая природа уходит своими корнями гораздо дальше тех социальных групп, которые в годы НЭПа, как говорит тов. Пионтковский, переживали процесс перехода от торгового капитала к зачаткам промышленного, он открыто выражает интересы дореволюционной буржуазии и помещиков. Социальная сущность фигуры профессора Любомирова, несмотря на весь его примитивный провинциализм, в действительности гораздо шире и объемистее, нежели ее нарисовал тов. Пионтковский. Она выражает собой чаяния и надежды кулака, непмана, эмигрировавшей буржуазии и, наконец, русского помещика, мечтающего о реставрации старого института земельной собственности в России.

Профессор Любомиров начал свою научную карьеру до революции в школе Платонова. Его первая книга «Очерки нижегородского ополчения» вышла в 1913 году. Эта книга заканчивалась хвалебным гимном династии Романовых по случаю трехсотлетнего царствования этого дома. Говоря о заслугах нижегородского ополчения, профессор Любомиров в послесловии этой книги писал: «из разрозненных миров, думавших в период упадка, неверия в свои силы только о самозащите, восстала единая вся земля, поведшая с большим умением общенациональную политику, создалось из него новое общеземское правительство, начавшее сложную и особенно тяжелую именно в начальной стадии работу над восстановлением по разладу в стране, до самых низов поколебленной смутой».

Итак, по Любомирову блок между двумя группами землевладельцев (боярин, помещик) и буржуазией, направленный против крестьянского движения в 1612-1613 г.г., и был та «единая» «вся земля», которая начала работу над восстановлением порядка в стране. Восставших крестьян автор в той же работе считает «ворами» и «внутренними врагами», против которых с точки зрения Любомирова новая власть повела справедливую борьбу. Свою реакционную сущность автор показал уже с первых шагов научной деятельности. Годы империалистической войны, Февральская революция и наконец приближение победоносного Октября у профессора Любомирова не только не поколебали этих позиций, но еще больше их укрепили. В 1917 году в октябре месяце, т. е. за несколько дней до Октябрьской революции, он переиздает эту книгу, в которой без изменения помещает предисловие, написанное им в 1913 году, где говорится: «И теперь, во дни трехсотлетия Нижегородского подвига, своевременным, кажется, будет снова заняться этим интересным моментом начала очищения русской земли от внешних и внутренних врагов и восстановления в ней порядка (курсив мой Г. М.) после глубокого развала последних лет смуты». Это предисловие было лозунгом контрреволюции накануне Октября. Оно было призывом к новому Корниловскому мятежу, к борьбе против внутренних врагов, т. е. против революции. Однако, чаяния и надежды профессора, как и всей контрреволюции, не сбылись, пролетариат оказался победителем, и свою победу он закрепил установлением пролетарской диктатуры.

Профессор Любомиров, оставаясь верен своим классовым принципам в условиях советской дей-

ствительности, стал настойчиво пропагандировать помещичьи-буржуазные идеи. В 1922 году в учебных записках Саратовского госуниверситета он помещает статью „Торговые связи в древней России с Востоком“, в которой рекламирует взгляды Ключевского—вождя русско-помещичьей буржуазии историографии. „Его (Ключевского Г. М.) курс, получивший широкую популярность с монографий 1884 года—пишет Любомиров—сделал и взгляды его общепризнанными, они стали неотъемлемой частью университетских курсов, даже проникли в лучшие учебники для средней школы“.

Рекламировать в стенах пролетарского вуза взгляды Ключевского и обходить совершенно молчаливым марксистскую историографию, вскрывшую великодержавную, помещичье-буржуазную сущность концепции Ключевского, с точки зрения Любомирова есть подлинная научная деятельность профессора. Любомиров не только обходит молчанием марксистскую историографию, но он стремится, как это видно из приведенной цитаты, доказать, что взгляды марксистов не являются общепризнанными, что они не имеют даже места в лучших учебниках средней школы.

Такая дискредитация марксистской историографии вызывает возмущение и тут уже не только к Любомирову, но и к тем „почтенным“ органам, которые допустили без всяких комментариев открытое выступление классового врага.

Профессор Любомиров не приемлет национального вопроса в том виде, в каком его поставила и разрешила Октябрьская революция. Он находится целиком во власти великодержавных колонизаторских традиций помещичье-буржуазной школы.

Победоносная социалистическая революция, разбившая вековые цепи национального угнетения и создавшая из бывшей России Союз советских социалистических республик, Любомирова ничему не научила, он так и остался до последних дней непримиримым ее врагом. Будучи враждебен ко всему советскому, он, видите ли, „не замечает“ национальной политики, проводимой советской властью, основанной на принципе самоопределения наций и позволяющей отсталым народностям выйти из царства невежества, нищеты и вымирания на широкую дорогу материального и культурного развития. Зато профессор Любомиров пытается в советских условиях культивировать старую „истину“ помещичье-буржуазной школы, что царская Россия, колонизируя отсталые народности, несла им культуру.

В 1921 году, делая доклад „О важности изучения мордвы“, он в этом докладе ставит исключительно проблемы культурного воздействия России на мордву и обратно. „Что же усвоила из всех этих разрозненных и разновременных воздействий мордва?—спрашивает профессор Любомиров,—что из этого чуждого культурного багажа несла она России?“

Профессор Любомиров не может не знать, что колонизаторская политика русского помещика несла мордовскому народу рабство, грабеж и разорение, что, выколачивая у мордвина-крестьянина не только прибавочный, но часто и необходимый продукт, эта колонизаторская „культура“ помещика целыми столетиями держала мордовскую народность на уровне нищеты и вымирания. Наконец профессор Любомиров не может не знать, что мордва за эту культуру отвечала по принципу

„долг платежом красен“, она питала глубочайшую ненависть к русскому помещику, и эта ненависть часто выливалась в грандиозные восстания мордовского крестьянства. Разинщина и пугачевщина, в которых националы, особенно мордва, принимали активнейшее участие, является яркой иллюстрацией этой расплаты.

Еще резче и отчетливее великодержавный шовинизм профессора выступает в вопросах взаимоотношения между калмыками и помещичьей Россией в XVIII веке. В статье „Нижнее Поволжье полтора столетия назад“ Любомиров пишет:

„В 1771 году главная масса их (калмыков Г. М.), учинив грабеж оседлого населения, ушла в пределы Китая“.

В трактовке профессора калмыки представлены настоящими грабителями, ни с того, ни с сего ограбившими мирное население и ушедшими в пределы Китая. Автор сознательно обходит причины этого ухода, но не указывает, что захват русскими помещиками приволжских степей, а также увеличивавшиеся государственные поборы и рост колонизаторского гнета явились главной причиной этого ухода. Для калмыков этот уход был далеко не легким делом. Подавляющая масса ушедших погибла в песчаных пустынях Средней Азии, добравшись до западных границ Китая. Однако этот уход был единственной формой протеста, он был продиктован экспроприаторской политикой русского помещика.

Помещичье-крепостное государство Любомиров считает государством, выражающим интересы всего русского населения. В статье „О заселении Астраханской губернии, он пишет: „Стесняя татар и калмыков, правительство имело ввиду интересы русских“. Спрашивается, интересы какого класса в XVIII веке выражало правительство Екатерины II в своей колонизаторской политике? Очевидно, здесь разговор идет об интересах русского помещика, а не крестьянина, но по Любомирову интересы помещика есть интересы всего русского населения так же, как и в 1612 г. блок помещичьих групп с буржуазией, направленный против крестьянской революции, по мнению Любомирова был настоящим и притом единственным выразителем интересов „всей земли“.

Выдавая интересы помещика за интересы всего населения России, Любомиров, с нескрываемой враждебностью относится ко всякому движению, направленному против этих интересов. Это видно из его отношения к пугачевщине, на которую он смотрит глазами помещика и купца, подсчитывающих свои убытки после революции. Зная, что в советских условиях нельзя открыто опорочивать величайшее крестьянское движение XVIII века, Любомиров напяливает на себя ученый колпак историка и совершенно „объективно“ рисует картину разрушительных последствий пугачевщины. В уже цитированной нами статье „Нижнее Поволжье полтора столетия назад“ автор указывает, что „Вторая половина XVIII века для России была временем значительного увеличения территории, крупных успехов в области экономического развития, заметного роста культуры материальной и духовной не только среди дворянства, но и городского населения“. Установив факт роста материальной и духовной культуры дворянства и городского населения (читай буржуазии), автор совершенно не указывает, за счет чего происходит этот рост, он обходит нечеловеческую эксплуатацию крепо-

стного труда крестьянина, являвшуюся единственным источником дворянской культуры и в то же время вызвавшую крестьянскую революцию во второй половине XVIII в. Но автора не это занимает, его занимают убытки, причиненные помещикам и торговому капиталу этой революцией, и он их оплакивает, как свою собственность. „Но события в 1770 г.—пишет в той же работе—уход калмыков, опустошительный пожар и грозные бури пугачевщины подорвали и разрушили зачатки обрабатывающей промышленности“. Итак, в понимании Любомирова пугачевщина была социальным злом, подорвавшим материальный и культурный рост страны. Отрицательное отношение к пугачевщине у него выражается еще в том, что во всех своих работах, относящихся к XVIII веку и притом к району активного восстания крестьян, он все время старается обойти этот щекотливый для него вопрос. Оставаясь чуждым социалистическому строительству, профессор Любомиров в своих научных изысканиях поворачивается к прошлому, ищет в нем близких своей классовой природе сюжетов.

В 1924 году он выпускает очерк по истории одной старообрядческой общины. Выговское общежитие“. Эта книга интересна не столько своим содержанием, сколько предисловием к ней автора. Говоря о старообрядцах выговского общежития, автор заявляет: „Эти ревнители старины, члены сурового монастырского коллектива проявили удивительное богатство и разнообразие духовного творчества, притом творя вдали от культурных центров своими собственными усилиями без постороннего руководства“. Объектом своего исследования автор сознательно избрал гонимого старообрядца, „ревнивца старины“. Этот сюжет монархисту-профессору импонирует, в нем он видит самого себя в стране пролетарской диктатуры. Он чувствует себя одиноким, окруженным враждебной ему действительностью, он протестует против победного социалистического строительства и этот протест пытается передать устами выговских старообрядцев.

В том же предисловии Любомиров пишет: „Автор полагал, что лучше будет достигнута цель, сильнее и ярче будут впечатления читателя, если он непосредственно, лицом к лицу, окажется с представителем Выга, если их языком, их словами будут переданы их переживания и настроения, формулированы верования их и чаяния. Оттого автор предпочел, в меру возможного, заставить говорить за себя самые источники, оттого и свою речь, где приходилось переходить к ней, пытался строить ближе к книжному слогу выговских учителей или в их духе, старался их глазами смотреть на окружающую действительность, с их точки зрения расценивать ее явление“. Итак, профессор Любомиров старался смотреть на окружающую его действительность в 1924 году с точки зрения русского старообрядца XVII и XVIII века. Известно, что старообрядцы того времени политический порядок московского государства, а позднее и Российской империи считали порядком, установленным самим антихристом. Этот порядок они ненавидели со всей страстью религиозных фанатиков, ждали с нетерпением „второго пришествия“, которое по их мнению должно

было разрушить этот ненавистный им порядок. Любомиров выступает, если не в роли религиозного фанатика, то во всяком случае в роли фанатика старого порядка. Он ожидает „второго пришествия“ только уже не в образе Христа, а в образе русского помещика и буржуазии. Победу пролетариата в Октябре 1917 года Любомиров расценивает как „распад человеческого общежития“, которое очевидно по мнению этого „ученого“ мужа может быть восстановлено только после „второго пришествия“, вернее восшествия помещиков и буржуазии на плечи рабочих и крестьян. В одной из последних глав только что цитированной книги Любомиров пишет: „Всегда как-то грустно наблюдать распад человеческого общежития, угасание жизни, закат культуры, гибель плодов долголетнего тяжелого труда поколений“. Это слезы не о выговских скитах, это слезы русских помещиков и капиталистов, которые оплакивают крушение своего имущества, а победу пролетариата расценивают как „закат культуры“.

Во всех работах Любомирова вы не найдете намеков о классах, классовых противоречиях и их борьбе. Он не приемлет основного положения Маркса, что „вся предшествующая история человечества есть история борьбы классов“. По Любомирову во всей предшествующей истории России не существовало классов и их борьбы, существовала только „единая“ „вся земля“, интересы которой испокон веков выражала абсолютная монархия. Даже в таких работах, как очерк истории русской промышленности в XVIII и начале XIX в.в., где характер исследуемого материала должен был поставить перед автором вопросы классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми, Любомиров к этой работе подошел по-бухгалтерски: бросив со счетов социальную характеристику промышленности, он стал на точку зрения не историка, а коммерсанта купца.

Все эти установки в научной деятельности профессора Любомирова имеют свою логическую стройность и вполне характеризуют его классовое лицо.

В своей научной деятельности он примыкает к наиболее реакционной части профессуры, к той части, которая на протяжении 13-летнего существования диктатуры пролетариата относится к этой диктатуре с глубочайшей враждебностью. Профессор Любомиров питает органическое отвращение не только к социалистическому строительству сегодняшнего дня, но и ко всякого рода революционным идеям вообще. Во всех его работах вы не найдете даже современной терминологии, в них он открыто выступает продолжателем традиции старой помещичье-буржуазной школы со всеми ее приемами методологии.

Борьба за марксистско-ленинское понимание русского исторического процесса особенно в условиях развернутого социалистического наступления по всему фронту, в условиях обострения классовой борьбы и выкорчевывания капиталистических корней требует от нас беспощадной борьбы с проповедниками помещичье-буржуазной историографии